Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 25** / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “rkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Этюд к истории Херсонесского музея в 1937 г.¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Эпоха Большого террора в истории археологической науки нашей страны изучена далеко не в должной мере. В статье приведены материалы Научного архива Института истории материальной культуры (газетные статьи, переписка), свидетельствующие о положении в Херсонесском историко-археологическом музее и характере его взаимоотношений с Государственной академией истории материальной культуры.

Annotation. The epoch of the Great Terror in the history of this country is far from been properly studied. This paper presents materials (newspaper articles, correspondence) from the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS describing the situation at the Chersonesean Historico-Archaeological Museum and the character of its interrelations with the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK).

Ключевые слова: Херсонесский музей, ГАИМК, история науки.

Keywords: Chersonesean Museum, GAIMK, history of science.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-301-312

В истории нашей страны 1937 г. оставил незабываемый, роковой след. Даже передовицы научных журналов в то время призывали к поискам классовых врагов, искоренению любой буржуазной или троцкистской заразы и т. д. Все это самым непосредственным образом коснулось советских университетов, академических институтов и музеев. Археологическая наука не стала исключением из общего правила (Формозов, 1995. С. 66; 2004. С. 71–72). По моему глубочайшему убеждению события той драматичной поры заслуживают не только ставших обычными эмоциональных оценок, но пристального научного изучения. Сделанное в этой области еще

далеко не исчерпывает всего трагизма эпохи Большого террора.

Моя статья посвящена некоторым моментам, связанным с историей Херсонесского историко-археологического музея этого сложного периода. Надо признать, что события тех лет и положение в музейном деле Крыма в последние годы стали привлекать серьезное внимание исследователей, особенно ценны в этом отношении публикации В. В. Акимченкова (Акимченков, 2012; 2015). Важным дополнением к ним могут стать документы, хранящиеся в Архиве ИИМК РАН в фонде Государственной академии истории материальной культуры. Особый интерес представляет дело «Крымская эксп. Подготовка к изданию материалов по Гераклеюскому полуострову и организации Музея пещерных городов за 1937 г.» (НА ИИМК РАН. Ф. 2. Д. 82). В этом деле, в частности, собраны вырезки из крымских газет с нападками

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Древности» № 18-00-00486 «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

на Музей и некоторых его сотрудников. Эти вырезки были присланы в Ленинград заместителем директора Херсонесского музея Г. Д. Беловым, что следует из его письма (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 38). В высшей степени любопытны также послания крымских ученых, которые те направляли тогда в ГАИМК, надеясь на поддержку головного археологического учреждения СССР.

Ситуация, сложившаяся в Херсонесском музее в то время, была действительно очень непростой, можно сказать, угрожающей самыми серьезными последствиями. В июне этого года состоялось собрание партийной организации ВКП(б) г. Севастополя, на котором, в частности, говорилось о положении дел в музее. Вот как об этом писала газета «Маяк коммуны» от 23 июня 1937 г. № 142 (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 31):

«О протаскивании врагами народа фашистских теорий в науку говорит тов. Малышев (горком ВКП(б)). Под видом иностранного ученого в Крыму орудовал агент немецкой разведки. Он пытался распространять фашистскую расовую теорию.

На руку классовому врагу ведут работу некоторые „ученые“ Херсонесского музея. Здесь в отдельных экспозициях протаскиваются все те же „арийские“ установки.

Состав сотрудников музея засорен. Долгое время здесь орудовал некто Шангин, ранее осужденный органами советского правосудия за антисоветскую агитацию. Дирекция музея покровительствует проходимцам, надевающим маску советских ученых. Обязанность парторганизации по-большевистски занять овладением теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, чтобы уметь разоблачать врагов на идеологическом фронте».

Через три дня в этой же газете появилась большая статья «Враждебная работа на фронте исторической науки», подписанная К. Репиным (№ 144 от 26 июня). Документы такого рода позволяют, так сказать, почувствовать дух эпохи, по этой причине статью стоит воспроизвести полностью, лишь с самыми

небольшими сокращениями (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 32):

«<...> Скучна научная работа, проводимая музеем. Экспозиция отделов с 1932 года находится в стадии перестройки, проектов и планов.

Наиболее законченным является античный отдел музея. Но и в нем посетитель не почерпнет целостного впечатления о жизни херсонеситов античной эпохи и не получит правильного понимания истории. В экспозиции отдела подчеркивается, что Херсонес начального периода был демократической республикой. Но памятники, вскрывающие рабовладельческую сущность этой республики, в которой всеми правами пользовались лишь рабовладельцы, а рабы были „вещью по закону“, — расположены далеко в стороне от экспонатов, характеризующих государственное устройство и представлены настолько скромно, что их можно и не заметить. Восстания, войны и революции рабов почти не отражены. Музей совершенно не затрагивает темы возникновения христианства, которое своеобразно отразилось на дальнейшем развитии классовой борьбы и явилось одной из причин гибели античного мира. Упадком нравов и общественных традиций, а не социальной революцией, широким развитием проституции и публичных домов, а не обострением классовой борьбы пытается объяснить разложение и гибель античного общества музейная экспозиция. Такое объяснение истории недалеко ушло от гитлеровской теории оправдания фашизма путем отрицания роли социальной революции.

Экспозиция феодального отдела еще менее способна показать историю средневекового Херсонеса. Нагромождение вещей в этом отделе, без марксистско-ленинского подхода к ним, не передает политического существа эпохи. Так, например, духовенство периода „иконоборчества“ (VII–VIII вв.) показывается здесь защитником крестьян от закрепощения их феодалами, но не вскрывается эксплуататорский характер этой „защиты“ и подчиненная роль религии на службе господствующего класса.

Руководители музея располагают неограниченными возможностями для развертывания антирелигиозной пропаганды. В их распоряжении имеется богатый материал античного, средневекового и новейшего времен, на котором можно убедительно показать, что все религии и церкви, все и всяческие религиозные организации всегда являлись и являются органами реакции, служащими защите эксплуатации и одурманиванию народа.

Директор музея Орлова сообщила нам, что „в настоящее время в музее обсуждается вопрос о создании в бывшем херсонесском соборе отдела истории религии“.

Но пока руководители не торопясь „обсуждают“, как и с чего начать антирелигиозную пропаганду, отдельные работники музея ведут неприкрытую религиозную агитацию. Экскурсовод Вишнякова использует для этого живопись в бывшем соборе и посредством соответствующих объяснений стремится произвести на посетителей религиозное воздействие. От Вишняковой не отстают недавно выдвинутая на должность экскурсовода из технических работников — Тетерева. Учащиеся ФЗУ завода им. С. Орджоникидзе с возмущением заявляют, что Тетерева пространно расхваливала им содержание картины „Крещение князя Владимира“, осмысливая ее в религиозном духе.

Свободная инициатива и полный простор деятельности предоставлены здесь экскурсоводам. Методических руководств они не имеют. Но несомненно, что такое совпадение в методах „работы“ экскурсоводов не является случайностью.

Не случайна и антисоветская надпись, недавно обнаруженная на музейном экспонате. Музейная организация засорена чуждыми людьми. Директор Орлова постаралась собрать под крышу музея людей, изгоняемых из прочих советских учреждений и предприятий. До последнего времени сотрудничал здесь по приглашению Орловой научный работник Шангин, который был в прошлом осужден на 10 лет за протаскивание враждебных теорий на идеологическом фронте и недавно разоблачен в музее при попытке

доказать краснофлотцам невозможность построения социализма в одной стране. На днях органами НКВД арестован за контрреволюционную деятельность технический работник музея Безбородов. Феодальным отделом заведует ставленник Орловой, некто Тахтай, который в свое время участвовал в контрреволюционной организации в городе Херсоне. Заместителем директора по хозяйственной части работает близкий друг мужа Орловой Кравченко, исключенный из партии за бытовое разложение и пьянство. Этот Кравченко и в настоящее время редко бывает трезвым, а в минуты тяжелого похмелья пытается сорвать свою злобу на командирах „Н“ полка, живущих на территории музея, пускает по их адресу антисоветскую ругань, выключает электросвет из их квартир и т. д. Экскурсовод Глазов, уличенный в присвоении государственных средств и уволенный из Севастопольского музея революции, быстро находит приют в Херсонесе. А члены партии и комсомольцы обычно приобретают здесь репутацию склочников и неумелых работников и недолго уживаются в музее. Так была уволена коммунистка Шрайбман, а сейчас выживается из музея заведующая библиотекой, член партии Козлова.

Партийная организация Севастопольского музейного объединения неоднократно обсуждала работу и состояние Херсонесского музея. Отдельные коммунисты, как, например, тт. Анкундинов и Пятайки, склонны видеть в музее лишь беспринципную склоку, основанную на личных счетах. Такое мнение особенно отстаивает директор музея Орлова.

Однако нам думается, что в оценке состояния работы в Херсонесе, коммунисты музейного объединения находятся на ложном пути. В музее свили гнездо люди, дела которых прошлые и настоящие недвусмысленно обличают их враждебное лицо. Единомышленники объединились здесь для работы, определенно направленной не в нашу пользу.

Вопрос о засоренности кадров в Херсонесском музее полтора месяца тому назад обсуждался на бюро обкома и 17 июня на бюро

горкома ВКП(б). Директор музея тов. Орлова видимо не сделала никаких выводов из указаний обкома и горкома партии. В музее все осталось по-прежнему.

В Херсонесе хозяйничают чужаки. Надо изгнать их из музейной организации и, перестроив работу в духе марксистско-ленинского понимания истории, сделать музей достойным советской науки».

28 июня 1937 г. статья «Враждебные дела в Херсонесском музее», подписанная Е. Леонидовым и А. Русиновым, была напечатана в газете «Красный Крым» (№ 145). Эта статья нашла отражение в научной печати (Акимченков, 2015. С. 105–106), но и ее стоит привести почти полностью (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 33).

«В некоторых музеях Крыма до сих пор царит затхлая атмосфера. Враги народа — троцкисты и буржуазные националисты, — пользуясь беспечностью партийных руководителей, немало навредили на этом участке. Троцкисты и их пособники использовали в своих целях и известный Херсонесский музей, находящийся вблизи Севастополя. <...>

В настоящее время музей возглавляет коммунистка Орлова Д. И.

Орлова способствовала протаскиванию буржуазной идеологии в научной и экспозиционной работе музея. Она привлекла на руководящую работу в музей Шангина и Вишнякову, известных как буржуазных историков.

В своих лекциях по истории Римской республики Шангин сознательно умалчивал о великих восстаниях рабов II–I века до нашей эры (Сицилийские восстания и Спартак). В экскурсиях Шангин и Вишнякова давали неправильные объяснения херсонесской демократии, сознательно не вскрывая сущность рабовладельческого государства, как орудия насилия меньшинства свободных, объединенных в общину, над рабами, мелкими земельными собственниками и ремесленниками.

Шангин и Вишнякова умышленно не показывали экскурсантам декрет Диофанта, где говорится о первой революции рабов в Крыму.

Они умалчивали и о революции рабов, уничтожившей рабовладельческий строй. Шангин в беседах с сотрудниками музея Лисиным, Глазовым и другими, а также с Орловой, протаскивал контрреволюционные взгляды, открыто защищал буржуазных историков Ростовцева, Моммзена и других, противопоставляя их историкам-марксистам.

В нашем распоряжении имеется заявление коммуниста, зав. библиотекой музея т. Козловой М., в котором она пишет:

«В своей антисоветской работе Шангин и Вишнякова делали ставку на молодежь. Они по выходным дням зазывали к себе на квартиру краснофлотцев и пытались их обрабатывать. В первых числах мая, а затем 12 мая, на квартире Шангина и Вишняковой были краснофлотцы, среди которых эти контрреволюционеры пытались вести антисоветскую пропаганду».

На научном совещании музея и других собраниях Шангин и Вишнякова были разоблачены в протаскивании контрреволюционных буржуазных идей на историческом фронте. Несмотря на это, Орлова обрушилась на коммунистов, разоблачавших Шангина и Вишнякову.

Орлова не терпит никакой критики со стороны работников музея. С критикующими она жестко расправляется. Сейчас Орлова открыто заявляет, что в ближайшие же дни «выгонит» с работы члена партии Козлову и комсорга, научного работника Лисина. В свое время Орлова горячо защищала работника музея Безбородова, ныне арестованного, как враг народа.

Плоды гнилого руководства Орловой дают себя очень сильно чувствовать. Музей ощущает острый недостаток в экскурсоводах. Памятники древности в музее сохраняются плохо. В нижнем этаже собора гибнут от сырости ценные предметы древности. Под открытым небом больше года находились ценные эпиграфические и архитектурные памятники. За 1935–1936 гг. было несколько случаев разрушения городищ.

Наконец, еще два характерных факта. В Херсонесе имеется печь XIV века. Экскурсанты

не могут ее осмотреть только лишь потому, что она вокруг загажена. В музее существует порядок, по которому экскурсанты, желающие попасть в залы, обязаны одеть туфли. Но эти туфли находятся в таком антисанитарном состоянии, что их невозможно не только одеть, но и противно взять в руки. Экскурсанты, отказывающиеся одеть эти туфли, вынуждены покидать музей, не осмотрев его достопримечательностей.

Вопрос о деятельности Орловой поднимался неоднократно. Об ее антипартийных поступках хорошо известно партийной организации музейного объединения, горкому и отделу культпросветработы обкома партии.

Не так давно партийные организации обязали Орлову очистить музей от чуждых людей и подхалимов, прекратить непартийное отношение к критике и самокритике, поднять качество научной работы Херсонесского музея. Однако эти указания Орлова не выполнила.

Необходимо немедленно заняться Херсонесским музеем и принять все меры к тому, чтобы музей действительно стал советским научным учреждением.

Кстати говоря, следовало бы отделу культпросветработы Обкома ВКП(б) и Наркомпросу заняться и остальными музеями Крыма, в которых до сих пор не ликвидированы остатки вредительской работы орудовавших там троцкистов и буржуазных националистов».

В уже знакомом нам «Маяке коммуны» 30 июля 1937 г. была напечатана еще одна критическая статья о Херсонесском историко-археологическом музее, в которой суровая критика была обрушена на А. К. Тахтая (Акимченков, 2015. С. 108–109). По существу в крымской печати шла целенаправленная травля этого учреждения.

Сейчас все эти статьи невозможно читать без душевного содрогания, поскольку вполне очевидно, что за газетными публикациями неизбежно должны были последовать организационные выводы и соответствующие им действия «компетентных» органов. В этом

отношении не следует забывать, что незадолго до описываемых событий в 1933 г. был выслан в Новосибирск директор музея К. Э. Гриневич, а в 1935 г. он был осужден на пять лет с отбыванием срока в Карагандинском лагере (Зубарь, 2007. С. 415; 2009. С. 30).

Основная угроза, естественно, нависла над директором музея Д. И. Никитиной-Орловой (в процитированных статьях ее фамилия приводится в сокращенном виде — Орлова), но о ней будет сказано ниже. Весьма неуютно должен был себя почувствовать зав. Феодальным отделом А. К. Тахтай (1890–1963). Однако ему удалось сохранить свой пост. Годы войны ученый провел в Севастополе, и его считают спасителем Херсонесского музея. А. К. Тахтай был осужден в 1949 г. (Формозов, 2004. С. 237; Зубарь, 2009. С. 46–47, 63–64; Акимченков, 2015. С. 127), но это никак не было связано с событиями 1937 г.

Тяжелые удары были нанесены по М. А. Шангину и его супруге А. В. Вишняковой, которые, надо признать, весьма успешно занимались изучением истории и культуры Византии. При этом они, якобы, не просто рассказывали коллегам о Т. Моммзене или М. И. Ростовцеве, но и сомневались в правильности курса, которым вело страну большевистское руководство. В 1937 г. супруги переехали в Ленинград, где М. А. Шангин с 1938 г. работал в Институте истории АН СССР, умер он в эвакуации в Махачкале в 1942 г. (Горянов, 1947. С. 381–383; Зубарь, 2009. С. 36–37; Акимченков, 2015. С. 99–101, 107). А. В. Вишнякова, став доцентом Краснодарского педагогического института, продолжила византиноведческие штудии супруга (Горянов, 1949. С. 377, 378).

Об экскурсоводе Тетеревой или о взятом органами НКВД «враге народа» Безбородове пока ничего неизвестно. О коммунистке Шрайбман и зав. библиотекой М. Козловой, пытавшихся раскрыть глаза руководящих органов на порядки в музее, мы тоже ничего не знаем. Комсорг В. П. Лисин (1911–1942) после этих событий пошел на повышение и с 1938 г. стал заместителем директора Херсонесского музея по научной работе (Зубарь, 2009.

С. 48–49, 50; Акимченков, 2015. С. 107). Мне не хочется видеть в этом человеке хладнокровного и расчетливого карьериста. Не имея мемуарной литературы, мы никак не можем составить представление о его характере, но вполне можем допустить, что он с комсомольским задором пытался перестроить работу музея на новый и, как ему казалось, прогрессивный лад. Да и археологом В. П. Лисин, по всей видимости, был совсем неплохим, о чем свидетельствуют оставленные им немногочисленные публикации (Лисин, 1939а; 1939б).

Реакцией на выступления в крымской печати стало письмо Г. Д. Белова от 30 июня 1937 г. (о нем см.: Калашиник, 1980. С. 108–109; 2005. С. 110–113; Зубарь, 2009. С. 34–36, 37–41, 53, 64, 74–77 и др.), направленное в Институт истории древнего мира ГАИМК (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 38). В процитированных статьях этот сотрудник Херсонесского музея ни разу не упоминается, но он, как заведующий Античным отделом и заместитель директора Музея по научной части, к сложившейся ситуации имел самое непосредственное отношение. В своем письме Г. Д. Белов писал:

«Обвинения статей, в большей своей части относящиеся к экспозиции музея, неправильны и извращают действительное положение <...>. Статьи содержат ложь и клевету на сотрудников музея, пятнают их имя и дискредитируют их работу.

Многие из сотрудников Вашего Института знают экспозицию музея и мою работу по руководству раскопками и по экспозиции.

Желая защитить себя от несправедливых обвинений и клеветы, обращаюсь к Вам с просьбой дать характеристику или отзыв о моей работе в Херсонесе и об экспозиции Античного отдела.

В Херсонесе я работаю 12 лет, работаю честно, люблю свое дело и отдаю ему все свои силы и время, — тем более обидно получить незаслуженные мною обвинения».

Нападками на Херсонесский музей на страницах крымской печати дело, однако,

тогда не ограничилось, и 1 июля 1937 г. в газете «Правда» была опубликована большая статья П. Павленко, которая была названа «Нераскрытые сокровища». Нет никакого сомнения, что автор этой статьи был прекрасно знаком с крымскими публикациями о Херсонесском музее

В начале своего сочинения П. Павленко заявил/а, что «во многих отношениях Херсонес интереснее Помпеи», раскопки здесь ведутся уже 110 лет, но сейчас он представляет «печальное зрелище» — городище загажено скотом, завалено осколками пивных бутылок и кучами консервных банок, «козы играют на дряхлых стенах базилик». Сторожа на городище нет. Навесов над ценными археологическими памятниками не существует.

Между тем на раскопки выделяется 20 тыс. руб. в год и еще 200 тыс. на содержание штата и академическую работу в музее. «Может быть, она-то хоть хороша?» — ставит вопрос П. Павленко и дает на него сугубо отрицательный ответ. За пять лет был издан только один путеводитель³, а экскурсоводы не имеют специального образования (трое из четырех — даже среднего!). Что вообще могут дать народу люди из Херсонесского музея, «один из которых бывший эсер, осужденный по делу Промпартии, другой исключен из партии за бытовое разложение, третий исключен из партии за расхищение социалистической собственности, четвертый исключен из комсомола, пятый ...». В музейной работе важно «сугубое внимание ко всякому камню нашей старины, ко всякому черепку нашей истории». Но рыба, как известно, гниет с головы, это «троцкистские мерзавцы, прокрававшиеся в руководящие круги Крыма, воспитывали и культивировали пренебрежение к крымской народной истории и в какой-то мере добились своего».

В заключение П. Павленко написал/а: «Крыму, — да и не только ему одному, потому что Херсонес дело всесоюзное, — нужен музей-агитатор, музей-справочник, музей —

³ Вероятно, имеется в виду книга Г. Д. Белова (Белов, 1936).

правдивый и увлекательный рассказчик о прошлом народов, некогда населявших эту землю». По мнению автора статьи, дело организации такого музея должна взять в свои руки Академия наук, а местные организации должны понять, «что история нашего прошлого, сохранившегося в памятниках, есть хозяйство, которым надо заниматься с энергией, с какой они строят промышленность, сельское хозяйство, новые школы и новые кинотеатры».

Критическая статья в главной газете Советского Союза, как мы понимаем, — дело в высшей степени серьезное. На нее соответствующим образом должно было отреагировать руководство музея, и, действительно, реакция последовала. Директор Д. И. Никитина-Орлова 7 августа 1937 г. направила докладную записку в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР (копию — в ИИМК АН СССР). В ней она признала, что вопрос, поднятый в «Правде», «имеет большое и принципиальное значение и требует немедленного разрешения». С этими словами, конечно, трудно поспорить, в остальном же документ, как представляется, составлен либо безграмотно, либо в большой спешке, либо здесь сыграли свою роль оба фактора. Приведу его почти полностью лишь с незначительной правкой, оставляя неизменной авторскую орфографию (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 35–36).

«Раскопки Херсонеса, начатые в 1927 г., на северном берегу Черного моря, не имели планомерного характера, а открытые при этих раскопках памятники не имели к себе должного внимания и заботы. Между тем берег моря, окружающий Херсонесское <городище>, систематически разрушают эти памятники. Это доказывается тем, что ежегодно море выбрасывает на берег много античных фрагментов, среди которых бывают и ценные в научном отношении вещи. Сверх того в осенне-зимний шторм <прибрежная часть> заливаается водой и разрушается.

Восточная часть, находящаяся над уровнем моря на протяжении 10-ти саженей, подмывается снизу, и обрушивающиеся скала

уносят и древние строения; так, например, в 1924 г. в море обрушился небольшой храм. Инициатива проф. Н. А. Орбели о производстве научного исследования морского берега древнего Херсонеса, принятая Главным Управлением ЭПРОН, кроме большого научно-исторического значения, является ценным для Херсонеса также с чисто практической стороны.

При упомянутых работах будет изучен берег и степень его разрушения; это даст материал для составления сметы по укреплению берега и тем самым по охране Херсонеса от дальнейшего разрушения.

Параллельно встает другой вопрос о самом городище и его памятнике. Раскопками Лепера 1900 г. была раскрыта восточная часть Херсонеса, которая в настоящее время представляет неприглядную картину. Дело в том, что Лепер открыл только византийские здания и лишь кое-где античные. Однако и на этом открытом участке раскопки не были доведены до конца, и поэтому теперь, строго говоря, городище в этом месте представляет кладбище камней. Поэтому для того, чтобы хотя <бы> отчасти Херсонес представлял собой „Русскую Помпею“, необходимо немедленно закончить раскопки в Восточной части, хотя бы пришлось, быть может, в крайнем случае пожертвовать византийскими остатками, с той целью, чтобы дойти до материка.

Для проведения этих работ необходимы не только материальные средства, но и научные силы, которыми музей не располагает. Короче говоря, без помощи АН проведение этой работы, т.е. реставрация памятников и окончательная раскопка Восточной части Херсонеса, не мыслимы.

Работа на суше будет служить дополнением к работе на море, чем можно добиться сохранения Херсонеса от разрушительных сил моря. И в то же время Херсонесское городище будет приведено в надлежащий порядок. Тогда каждый посетитель Херсонеса получит наглядное представление о жизни и быте античного мира на территории СССР.

Что касается устройства навеса над городищем, то это дело требует специального обсуждения АН СССР. О чем мною и будет

поставлен вопрос перед директором Института истории материальной культуры».

М. Ф. Левченко, исполнявший тогда обязанности председателя ГАИМК, и академик С. А. Жебелев в письме, направленном Д. И. Никитиной-Орловой, отмечали, что «Институт истории материальной культуры АН СССР находит целесообразность и необходимость в проектируемых в записке работ, имеющих целью предохранить Херсонес от дальнейшего разрушения, а также считает необходимым производство реставрационных раскопочных работ в восточной части Херсонеса» (Там же. Л. 45). В этом документе стоит обратить внимание на то, что М. Ф. Левченко фигурирует здесь как и. о. председателя ГАИМК, но такой организации, как следует из того же документа, уже не существовало, взамен ее был создан Институт истории материальной культуры, вошедший в структуру АН СССР. И этот факт по-своему оттеняет сложность ситуации лета 1937 г.

Для решения серьезных вопросов надо было обращаться в Академию наук, а не в Академию истории материальной культуры, но советские археологи не могли быстро перестроиться, для них ГАИМК все еще функционировала и была главным научным учреждением, отвечающим за изучение древностей в Советском Союзе. По этой причине обращение в Ленинград можно признать не случайным, хотя надежной защиты эта несуществующая академия, естественно, предоставить не могла. Неудивительно, что к письму было приложено пространное сочинение, направленное также в Крымский наркомпрос и Севастопольский горком ВКП(б), подписанное Г. Д. Беловым и А. К. Тахтаем (НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937 г. Д. 82. Л. 39–41). Нет смысла приводить его полностью со всеми содержащимися там уверениями в верности марксистско-ленинскому учению, ответными обвинениями оппонентов, цитатами из трудов классиков и т. д. Обратим внимание лишь на те места этого документа, в которых говорится непосредственно о положении в Херсонесском музее (Там же. Л. 39–40).

Прежде всего авторам письма, разумеется, следовало защитить себя от обвинений в протаскивании «арийских установок». По этому поводу Г. Д. Белов и А. К. Тахтай писали:

«Можно предположить, что здесь имеются в виду готы Крыма, по поводу которых велись беседы научных сотрудников музея о том с т. Малышевым (автор критического выступления на собрании парторганизации г. Севастополя. — Ю. В.). Тема „Готы в III–VI вв.“ экспонирована в Феодальном отделе музея: витрина с деформированными черепами и пряжками так наз. готского стиля. При этом готы трактуются не как чистый, но смешанный тип по своему этническому составу. Готы пришли в Крым неоднородными, с герулами, а здесь вскоре смешались с местным населением: со скифами, таврами, сарматами и др. Научные сотрудники музея не выдумали готов, советская марксистская наука их не отрицает».

После этого авторы писали:

«Нас крайне удивляет то обстоятельство, что т. Малышев неоднократно бывал в Херсонесе, знакомился с экспозицией музея, беседовал с нами, в частности и по готскому вопросу, но не сделал никаких замечаний в этом отношении. Это тем более странно, что т. Малышев является парторгом музейных работников и, казалось бы, должен был помогать нам своими советами и указаниями.

Следует добавить, что план экспозиции Феодального отдела в основных своих чертах, по поручению музея, был разработан в 1934 г. сотрудниками ГАИМК. В процессе дальнейшей работы по конкретизации плана он обсуждался и был утвержден на научном совещании, так что здесь не могло быть протаскивания тех или иных установок отдельных сотрудников.

В отношении второй публикации в „Маяке коммуны“ пришлось объяснить, что экспозиция музея совсем не затушевывает сущность античной рабовладельческой демократии и роль революций в истории античного

общества. В конце экспозиции приведена цитата из речи тов. Сталина на Первом съезде колхозников-ударников: „Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся“...».

Далее уместно будет привести длинную цитату:

«Мы не хотим сказать, что наша экспозиция хороша или совершенна: в ней есть еще много пробелов и недостатков. Экспозиция обоих отделов еще далеко не закончена. Так, напр., новая экспозиция Феод. отд. была открыта к 1 мая, но в неоконченном виде, работа над ней продолжается все время, правда несколько медленными темпами. Объясняется это тем, что зав. отделом в феврале-марте и мае-июне все время работал на раскопках памятников, исследование которых, в связи со строительством, необходимо провести в срочном порядке. Большая работа ведется в Ант. отделе, его экспозиция уже разделена на несколько хронологических периодов, но задержка экспозиции римского периода и периода разложения античного общества произошла от того, что сотрудник, которому поручен этот раздел (т. Лисин), находится также на раскопках.

При перестройке экспозиции мы не закрываем музейных зал, вследствие чего незаконченная экспозиция принимается за оконченную и может дать повод к ложным ее оценкам. Мы считаем, что лучше не закрывать отдел, хотя бы и неоконченный, чем делать его совершенно недоступным для посетителей, как это принято в центральных музеях (в которых некоторые отделы бывают закрыты целыми годами).

Ни на чем не обоснованы утверждения т. Репина (автор второй из приведенных статей. — Ю. В.) о том, что сотрудники Вишнякова (она не работает в музее с 15 мая) и Тетерева „ведут неприкрытую религиозную агитацию“ (что они — с ума сошли!), —

никаких жалоб на них не поступало. Версия об антисоветской надписи весьма сомнительна. Те лица, которые якобы ее видели, говорят, что она была написана на плите на городище (а не в музее). Т. Репин и здесь видит „неслучайность“ (своеобразная мания), но за происхождение „заборной литературы“ мы несем ответственность не более, чем сам т. Репин.

Переходя от общей характеристики музея к отдельным лицам, т. Репин становится в позу грозного судьи, обвиняет работников музея в самых страшных преступлениях и приговаривает их к немедленному изгнанию из музея... К сведению т. Репина сообщаем, что т. Шангин через год после ссылки был возвращен, полностью восстановлен в своих правах и продолжает работать в Академии наук (в Херсонесе не работает с 15 мая). А. К. Тахтай находился под следствием, но был освобожден без привлечения к судебной ответственности, к контрреволюционной организации никогда не принадлежал.

Мы многие годы работаем в музее, отдавая свои силы и знания любимому делу, работаем и живем в Херсонесе в далеко незаманчивых условиях (оторванность от города, удаленность от центральных научных учреждений и библиотек и т. п.). Нашу работу знают лучше, чем т. Репин, и более авторитетные, чем он, лица и учреждения, которые могут дать о нас отзыв (ГАИМК, Эрмитаж, работники крымских музеев и мн. др.). Наш музей посещают видные научные работники, писатели, руководящие работники, массы экскурсантов, и подавляющее большинство их дают самые положительные, а часто и хвалебные отзывы о музее, о его работе и экспозиции. Совсем недавно посетили музей тт. Лаврентьев, Чагар, Дубровин и др. и выразили нам свое полное удовлетворение состоянием музея.

<...>

Советская общественность введена в заблуждение: работа музея, его экспозиция и сотрудники музея представлены в самом извращенном освещении, этим причинен музею огромный вред, запятнана репутация учреждения и его работников.

Мы настойчиво просим скорейшего рассмотрения этого дела и опубликования его результатов в местной и областной печати, а т. Репина привлечь к строжайшей партийной ответственности».

Через день после первого послания Г. Д. Белов и А. К. Тахтай направили в Ленинград еще одно письмо (Там же. Л. 41):

«В дополнение к нашему заявлению следует остановиться на научной работе музея, о которой т. Репин пишет, что „она очень скудна“. Научная работа за последний год проведена, по сравнению с прошлым годом, огромная. Прежде всего, начата и ведется работа над Историей Херсонеса: составлены план и конспекты по периодам, причем работа ведется коллективно, каждому из научных сотрудников поручен определенный раздел по специальности. Результаты этой работы уже налицо: многое из истории Херсонеса стало ясным и известным, благодаря чему можно ряд моментов отразить в экспозиции музея и в массовой работе.

О перестройке экспозиции обоих отделов нами сказано выше, здесь работа проделана большая, ведется она и сейчас. Исследовательские работы выполнены в течение года след.: Неизвестные надписи Херсонеса (Шангин), Граффити на чернолаковой посуде (Шангин), Свинцовые печати Херсонеса (Вишнякова), Проксении Херсонеса (Орлова), Экономика и быт позднефеодального Херсонеса (Белов), Отчет о раскопках Херсонеса 1936 г. (Белов), Памятники Гераклеяского п.о. (Янышев), Полувная керамика (Белов), Херсонес римского периода (Лисин), последние две работы не закончены.

Раскопки последних лет увенчались блестящим успехом: открытие монументальных мраморных рельефов, представляющих исключительную историко-художественную ценность, открытие базилики с роскошными мраморными капителями и реставрация ее на берегу моря — это замечательный архитектурный памятник, украшающий теперь раскопки Херсонеса. В 1936 г. открыт ранний

некрополь: погребения V–IV в. до н. эры, среди них особенно интересны скорченные погребения, дающие возможность решать вопрос о взаимоотношениях с местным населением. Найден ряд ценных предметов: драгоценные золотые с эмалью пластинки, костяные резные пластинки и орнамент погребального покрова, являющийся уникальным памятником, позолоченные хорошей работы иконки, терракоты и мн. др. — Мы имеем прекрасные отзывы о наших раскопках и о составленных нами отчетах о раскопках от самого авторитетного учреждения — от Гос. Академии истории материальной культуры. В этом году мы впервые в широких размерах проводим раскопки в окрестностях Херсонеса (за счет строительных организаций), — масштаб раскопок увеличивается в несколько раз.

В это лето проводится генеральная уборка старых раскопанных кварталов, там, где в течение десятков лет рос бурьян и копился мусор, сейчас чистота и порядок, раскопки приведены в культурный вид, городище преобразуется на наших глазах. На городище установлена постоянная охрана путем дежурства смотрителей.

В несколько раз возросла посещаемость музея, в 1935 г. было около 14000 посетителей, в 1936 г. их было свыше 35 000 человек. Приобретены два автобуса для перевозки экскурсий и посетителей. Все экскурсии обслуживаются силами работников музея.

Музей бурно растет, широко разворачивается его научная и массовая работа. Советская общественность и печать должна была бы прийти на помощь Херсонесу, а вместо этого мы видим склоки, травлю, которые сначала долго происходили внутри коллектива и мешали его нормальной работе, а теперь медвежьими услугами работников газеты эти склоки вынесены на всеобщий позор. Вместо того, чтобы сохранить кадры основных работников музея, на них воздвигнуто гонение, а имя их опозорено и смешано с грязью... В такой удушливой обстановке работа становится невозможной. — Мы просим вмешаться в нашу судьбу и защитить нас от несправедливых обвинений и реабилитировать

нас перед научной и всей советской общественностью».

Можно понять реакцию херсонесских археологов, которые честно трудились, в чем нет никаких сомнений, но были обвинены чуть ли не в антигосударственной деятельности. Г. Д. Белов и А. К. Тахтай надеялись найти защиту в ГАИМКе, и это неудивительно, поскольку 1934–1936 гг. в истории академии были вполне плодотворными (Формозов, 1995. С. 59; 2004. С. 64). Авторитет этого учреждения был высок. Где же еще можно было найти понимание и поддержку, как не в нем? Эта поддержка крымским ученым, скорее всего, была бы оказана, только вот ГАИМК-то, как уже было сказано выше, в это время по существу был ликвидирован.

Ответом на крымские послания стало письмо от 26 июля, направленное из Ленинграда Г. Д. Белову (Там же. Л. 37):

«Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра получила высланные Вами материалы и заявление в связи с газетными статьями, появившимися в последнее время о Херсонесе.

Отношение Академии к Вашей археологической и научной работе отражено в протоколах и стенограммах заседаний Института Истории Древнего Мира, где неоднократно заслушивались Ваши доклады о раскопках и планах реэкспозиции. Копии этих материалов или выписки у Вас имеются.

Академия ИМК, находясь в настоящее время в стадии реорганизации и передачи дел и имущества в Академию Наук, считает

нецелесообразным составление нового отзыва о Вашей археологической и экспозиционной деятельности, тем более, что ничего нового, сверх сказанного в указанных протоколах и стенограммах, Академия сейчас сказать не может».

В общем руководство ГАИМК, выразив моральную поддержку крымским коллегам, не смогло оказать им никакой реальной помощи. После репрессий, обрушившихся на эту организацию в 1936–1937 гг., а также в условиях ее ликвидации такая помощь вообще была вряд ли возможна.

Совсем неудивительно, что Д. И. Никитина-Орлова лишилась своего поста в июле 1937 г., пробыв на нем неполных два года. В. М. Зубарь по этому поводу справедливо заметил, что основная причина этого была связана с политической ситуацией в стране (Зубарь, 2009. С. 34). Есть основания считать, что она действительно пыталась спасти квалифицированных сотрудников музея — А. В. Вишнякову, М. А. Шангина и др., но В. П. Лисин и другие активисты придерживались другого мнения, и на этой почве возник нешуточный конфликт (Акимченков, 2015. С. 99, 103).

В заключение стоит сказать еще несколько слов об авторах посланий в Ленинград. Отмечая, что А. К. Тахтай после этого не потерял своего рабочего места и продолжал трудиться на благо науки вплоть до 1949 г. Что касается Г. Д. Белова, то он из этой ситуации вышел вполне благополучно. В 1938 г. он даже перебрался в Ленинград, поступил в Государственный Эрмитаж, где с успехом продолжал изучать херсонесские древности.

Акимченков, 2012 — Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев; Симферополь: Антиква, 2012. 120 с.: ил. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 17).

Акимченков, 2015 — Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм. Севастопольское музейное объединение (1928–1940). М.; Севастополь: Антиква, 2015. 244 с.: ил. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 24).

Белов, 1936 — Белов Г. Д. Музей и раскопки Херсонес. Путеводитель. [Симферополь]: Гос. издательство Крымской АССР, 1936. 96 с.: ил.

Горянов, 1947 — Горянов Б. Т. М. А. Шангин (некролог) // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 381–383.

Горянов, 1949 — Горянов Б. Т. Византиноведение в СССР в 1945 и 1946 гг. // ВВ. 1949. Т. 2 (27). С. 376–380.

- Зубарь*, 2007 — *Зубарь В. М.* Из археологической летописи Херсонеса Таврического: К. Э. Гриневич // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 401–419.
- Зубарь*, 2009 — *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса — Херсона и его окружи (1914–2005). Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения, 2009. 496 с.: ил. (МАИЭТ. Suppl. Вып. 6).
- Калашник*, 1980 — *Калашник Ю. Г. Д. Белов (1898–1979)* // СГЭ. 1980. Вып. 45. С. 108.
- Калашник*, 2005 — *Калашник Ю. П. Г. Д. Белов (1898–1979)* // СГЭ. 2005. С. 110–116.
- Лисин*, 1939а — *Лисин В.* Краткий путеводитель по античному отделу и раскопкам Херсонеса. Севастополь: Гос. издательство Крымской АССР, 1939. 44 с.: ил.
- Лисин*, 1939б — *Лисин В. П.* Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // ВДИ. 1939. № 2. С. 135–140.
- Формозов*, 1995 — *Формозов А. А.* Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН, 1995. 144 с.
- Формозов*, 2004 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.